

Задумавшись об этом, Чжоу Цин отчего-то почувствовала такой прилив раздражения, что вернулась к столу, схватила кувшин и залпом выпила добрую порцию вина.

Ли Эр, остолбенев, наблюдал за ней, не смея даже вздохнуть. Кто же это умудрился, пока он не видел, разозлить маленькую хозяйку дома Чжоу? Это же подстава чистой воды!

Когда ночь уже окончательно вступила в свои права, Чжоу Цин, пошатываясь, спустилась вниз, и Ли Эр, подхватив её под руки, потащил домой.

У ворот их встретили Сяохун и Сяолуй. Лица служанок почернели, и они, понизив голос, принялись отчитывать Ли Эра:

— Мерзавец! Девушка из благородной семьи, а ты позволил ей напиться до такого состояния! Жить надоело? Смотри, если господин с госпожой узнают, с тебя живого шкуру спустят!

Ли Эр, чувствуя себя несправедливо обиженным, оправдывался:

— Это же барышня! Разве у меня есть право перечить, если она сама того хочет?

Видя, что он ещё и огрызается, вместо того чтобы извиниться за плохой присмотр, Сяолуй вскипела и собралась продолжить брань.

Сяохун поспешно её прервала:

— Ладно, ладно, хватит. Поздно уже, давай сначала уложим барышню.

— Хм! — Сяолуй бросила гневный взгляд на Ли Эра и, подхватив Чжоу Цин, повела её внутрь.

Одурманенная хмелем, едва переступив порог, Чжоу Цин начала буянить:

— Уходите! Уходите прочь!

Сяохун ласково уговаривала её:

— Барышня, вы ещё не умылись. Позвольте нам с Сяолуй помочь вам.

— Уходите! — Чжоу Цин взмахнула рукой и хлопнула Сяолуй по плечу. — Никакого умывания! Спать хочу! Убирайтесь! Маленький призрак, проваливай к своему книжнику Му!

Служанки переглянулись: ясно, у барышни снова приступ.

Действуя сообща, они, не обращая внимания на протесты, умыли её, согрели ноги, переодели и наконец уложили в постель.

Тем временем А-Янь встретила с Му Вэньхуном.

Му Вэньхун был статен, лицо его отличалось утончённостью, и А-Янь с первого взгляда почувствовала к нему симпатию. Такой прекрасный, образованный юноша... Будь она жива, она бы и мечтать о таком не посмела, а тут, после смерти, такая удача!

— Господин Му, — пролепетала А-Янь едва слышно, поклонилась и, зардевшись, отошла в сторону.

Му Вэньхун смотрел на неё сверху вниз, и она нравилась ему всё больше. Розовое платье делало её такой милой и хрупкой, а то, что она покраснела, едва заговорив, лишь подтверждало её неискущённость в общении с мужчинами. Похоже, Цинь Сюань не солгал.

Му Вэньхун удовлетворённо кивнул:

— Девушка А-Янь. — Сказав это, он понял, что называть девушку по имени не совсем прилично, и спросил: — Простите, как ваша фамилия?

Фамилия?

А-Янь смущённо опустила голову. У неё не было фамилии. Даже матушка Сю так звала её лишь потому, что в её собственном имени был иероглиф Сю. Не называть же себя госпожой Сю?

— У меня... у меня нет фамилии, — прошептала она, краснея от стыда.

Му Вэньхун рассмеялся:

— Девушка, не шутите. Разве бывает человек без фамилии? Это же не...

Не успев договорить, он сам всё понял. Выросла в борделе, матери знает, а отца — нет, откуда тут взяться фамилии? И тут же в душе шевельнулось недовольство. Он, человек благородный, как нефрит, — если возьмёт в жёны девицу из публичного дома, что скажут люди?

А-Янь тоже всё поняла. В панике она сразу вспомнила о Чжоу Цин и поспешно выпалила:

— Я... я из рода Чжоу!

Му Вэньхун не придавал этому значения, но на лице его появилась мягкая улыбка. Он послушно произнёс:

— Барышня Чжоу.

Барышня Чжоу. Девушка из семьи Чжоу.

А-Янь невольно заулыбалась. Хи-хи, теперь и она — барышня Чжоу! Завтра же пойду к Чжоу Цин и расскажу ей об этом.

Её лицо сияло от радости, и на мгновение Му Вэньхун даже потерял дар речи — так давно он не видел такой чистой, девичьей искренности. Его голос стал ещё мягче:

— Барышня Чжоу, о чём вы задумались? Почему так весело улыбаетесь?

Весело?

А-Янь прикрыла лицо руками и снова хихикнула:

— Нет, просто вспомнила об одной подруге.

— О какой подруге? — поинтересовался Му Вэньхун.

Женщины из борделя — и вдруг подруги?

— Это одна девушка, — ответила А-Янь.

Ах, ну конечно. Подруги у них либо такие же женщины, либо клиенты.

— Она очень красивая, добрая и всегда была ко мне очень добра, — добавила А-Янь.

Му Вэньхун кивнул: должно быть, это жена того самого Цинь Сюаня.

Они прогулялись лишь по половине Призрачного рынка, как А-Янь предложила вернуться. Вокруг было столько всего вкусного и интересного, но книжник Му был чужим человеком, и ей приходилось сдерживать свои порывы, что было невыносимо тяжело. Похоже, она просчиталась: в следующий раз нужно выбрать место поспокойнее.

Му Вэньхун был очарован ею, но, конечно, заметил, как она сдерживает восторг. Однако в его кошельке было пусто, и он не хотел тратить последние гроши на А-Янь, поэтому поспешил проводить её обратно.

Попрощавшись с ним у входа в Ичуньюань, А-Янь побрела обратно, напевая песенку, но по пути вдруг вспомнила о Чжоу Цин и свернула в сторону дома Чжоу.

Едва войдя в комнату, она зажала нос. Ну и запах вина! Вот же Чжоу Цин, несносная!

В комнате горела лампа, было светло, в прихожей дремала служанка. А-Янь проплыла к кровати и присела на край. Чжоу Цин, опьяневшая, с покрасневшимся лицом, спала крепким сном. Ресницы у неё были длинные и густые.

А-Янь, улыбаясь, наклонилась ближе и прошептала:

— Барышня Чжоу, барышня Чжоу.

— М-м... — Чжоу Цин, почувствовав, что её зовут, что-то пробормотала, перевернулась на другой бок и зарылась лицом в подушку.

А-Янь забралась на кровать, наполовину уйдя в стену. Барышня Чжоу такая красивая... Наверное, многие хотят на ней жениться. А-Янь подумала, что Чжоу Цин совсем не такая, как она, ведь та даже собиралась познакомить её с книжником Му.

Некоторые женщины, напившись, ведут себя уродливо, а другие — томно и притягательно. Чжоу Цин же, напившись, спала как поросёнок, совершенно не заботясь о том, как она выглядит.

— Барышня Чжоу, — позвала А-Янь, подождав немного.

Никакого ответа. Она тихонько рассмеялась, протянула руку и потянулась к лицу Чжоу Цин.

— Коснуться, надо коснуться, обязательно коснуться, — шептала она, целясь пальцем в нос Чжоу Цин.

Первая попытка — неудача.

— Небесные духи, помогите мне коснуться барышни Чжоу, — молилась она.

Вторая попытка — снова мимо.

— Владыка Яньло, судья Лу, Чёрный и Белый призраки, помогите же!

Третья попытка — опять ничего.

А-Янь не сдавалась, но в этот момент Чжоу Цин вдруг открыла глаза. Она прищурилась, словно увидела что-то приятное, и уголки её губ дрогнули в улыбке.

А-Янь замерла, и её рука, хлопнув, легла прямо на лицо Чжоу Цин.

— У-у... — Чжоу Цин недовольно завозилась.

А-Янь радостно вскрикнула:

— Коснулась! Получилось!

На следующее утро Чжоу Цин ничего не помнила, но чувствовала, будто её кто-то ударил по щеке. Сев перед зеркалом, она с удивлением обнаружила на лице странный след.

Сяолуй, заметив это, воскликнула:

— Барышня, что с вашим лицом?

Кто, кто посмел поднять руку на её госпожу?

Чжоу Цин и сама не понимала. Вчера она ходила в Ичуньюань, маленький призрак бросила её ради свидания, потом она пила вино, а дальше — провал в памяти. Хотя... кажется, ей снился призрак?

— Такая большая, а до полудня спит! Стыда у тебя совсем нет? — раздался снаружи голос Бай Юйжун.

Служанка пыталась её остановить:

— Двоюродная барышня, наша хозяйка ещё не готова, вам нельзя входить.

Бай Юйжун возмущённо ответила:

— Я здесь гостя, приглашённая самой Чжоу Цин! Почему это мне нельзя?

Чжоу Цин вздохнула и кивнула Сяолуй. Та впустила гостью.

Бай Юйжун вошла, окинула комнату оценивающим взглядом, а увидев Чжоу Цин, пудрящую лицо, презрительно фыркнула.

— Эй, ты долго ещё? Я от голода умираю!

Чжоу Цин, чей характер тоже был не сахар, огрызнулась:

— Сдохни, посмотрю, как это выглядит.

Бай Юйжун бесцеремонно уселась на край кровати:

— Сама сдохни! Я младше тебя, я ещё не нажилась! — не давая Чжоу Цин ответить, она

продолжила: — Чжоу Цин, скажи честно, зачем ты меня позвала? Неужели Бай Юйвэй тебя обидела, и ты хочешь, чтобы я её позлила?

Чжоу Цин быстро закончила пудриться, скрыв след на щеке, и повернулась к гостье. Девчонке было тринадцать, она была очень похожа на Бай Юйвэй, только чуть полнее. Но взгляд её всегда был высокомерным, что делало её куда менее привлекательной, чем старшая сестра. Впрочем, такие люди хороши тем, что у них всё написано на лице — не надо гадать, что у них на уме.

Руководствуясь принципом «враг моего врага — мой друг», Чжоу Цин решила, что ладить с ней будет полезно.

— Вторая кузина, как тебе мой второй брат? Он тебе нравится?

— Вторая кузина, как тебе мой второй брат? Он тебе нравится? — небрежно спросила Чжоу Цин.

В ответ в неё полетела тарелка с закусками, осыпав её с головы до ног. Лицо Чжоу Цин почернело.

Но виновница, Бай Юйжун, была вне себя от ярости.

— Чжоу Чжэнци — тупица, только идиот может в него влюбиться! — кричала она. — Глупый как пробка, при виде Бай Юйвэй у него ноги подкашиваются! Я что, слепая, по-твоему?

Гнев Чжоу Цин мгновенно улетучился. Глядя на то, как злится эта девчонка, она поняла: Бай Юйжун явно пострадала из-за Бай Юйвэй и Чжоу Чжэнци.

Бедняжка. Но мстить она пришла ей. Что ж, Чжоу Цин, усмехнувшись, подошла к ней и, вспомнив вчерашний «урок» от призрака, ущипнула её за ухо:

— Брат тебя обидел, а ты на мне срываешься? Раз так бесишься, может, ты всё-таки в него влюблена?

— Тьфу! — плюнула Бай Юйжун, хотя лицо её густо покраснело.

Чжоу Цин отпустила её и направилась к выходу.

— Эй! — Бай Юйжун поспешила за ней. — Зачем ты спрашивала?

— Я не люблю твою сестру, — ответила Чжоу Цин.

Бай Юйжун нахмурилась, и до неё дошло.

— Ты не хочешь, чтобы Бай Юйвэй вышла за второго кузена? — спросила она с блеском в глазах.

Чжоу Цин кивнула и с любопытством посмотрела на неё:

— А что, ты тоже не хочешь?

Бай Юйжун вздрогнула, снова фыркнула и быстро обогнала Чжоу Цин.

За завтраком вся семья была в сборе. Бай Юйжун никого не располагала к себе: господин Чжоу не удостоил её и взглядом, госпожа Чжоу лишь кивнула, старший брат был поглощён только своей женой Фан, а Чжоу Чжэнци смотрел на неё с открытой неприязнью.

Бай Юйжун, не обращая ни на что внимания, взяла палочки, подцепила булочку с мясом, подула на неё и отправила в рот.

Чжоу Цин, сидя напротив, наблюдала за ней и Чжоу Хуном, размышляя о странном поведении кузины. Ей показалось, что Бай Юйжун была не столько смущена, сколько рассержена, а может, в её глазах мелькнуло немного вины. Неужели она знает секрет Бай Юйвэй?

Наложница Фэн сидела на самом краю, боясь пошевелиться, и осторожно кормила Чжоу Хуна. Мальчик весело смеялся, схватил лепёшку, откусил, и вдруг, неловко качнувшись, завалился на Бай Юйжун.

Девятилетний мальчик был увесистым, и от толчка у Бай Юйжун дрогнула рука. Ложка упала, миска с кашей перевернулась, и кусок лепёшки, отлетев, угодил ей в лицо, а она, вскрикнув, невольно отмахнулась — и лепёшка угодила прямо в лицо Чжоу Цин.

— Ты что... — начала было Бай Юйжун, но Чжоу Хун разразился рёвом.

Наложница Фэн тут же бухнулась на колени:

— Вторая барышня, простите, умоляю, не гневайтесь на третьего молодого господина, он ещё мал, он не нарочно... — голос её дрожал, слёзы лились градом.

Третий молодой господин был слабоумным и рождён от наложницы, но он всё же был хозяином в доме Чжоу. А Бай Юйжун — всего лишь племянница госпожи из разорившейся семьи. Господин Чжоу и старшие сыновья прекрасно понимали, кто есть кто. О том, чтобы члены семьи Чжоу просили прощения у девчонки, не могло быть и речи.

Госпожа Чжоу была в замешательстве: с одной стороны — сын, с другой — племянница.

— Жун-жун... — строго произнесла она.

Бай Юйжун была в ярости.

— Бай Юйжун! — Чжоу Цин подобрала лепёшку и швырнула её обратно в лицо кузине.

Бай Юйжун не успела увернуться, откинулась назад и грохнулась на пол.

Чжоу Цин встала, вытерла лицо и возмущённо закричала:

— Бай Юйжун, ты что творишь! Такая большая, а такая нерасторопная! Ну толкнул тебя Хун-эр, ну уронил, неужели у тебя сил не хватило удержаться?

Неужели тринадцатилетняя девчонка не может устоять на ногах после толчка девятилетнего толстячка?

Господин Чжоу открыл было рот, но промолчал. Госпожа Чжоу тоже почувствовала, что была несправедлива к племяннице. И правда, как она могла удержаться?

— Жун-жун, ты в порядке? — виновато спросила госпожа Чжоу.

Чжоу Чжэнци неожиданно вступился:

— Цин-Цин, не злись, вторая кухня не нарочно.

Бай Юйжун удивлённо посмотрела на него.

Чжоу Чжэнлэй, опустив голову, усмехнулся в тарелку с кашей.

Госпожа Фан поднялась и помогла Бай Юйжун встать:

— Жун-жун, вся одежда в грязи. Пойдём, переоденешься. — Она взглянула на наложницу Фэн:

— Наложница Фэн, не нужно вечно падать на колени. Жун-жун — младшая, ей не подобает принимать ваши поклоны, люди подумают, что мы в доме Чжоу с вами плохо обращаемся.

Наложница Фэн сжала зубы и посмотрела на сына. Чжоу Хун, перестав плакать, подозрительно оглядывался, и, поймав взгляд матери, подал ей знак.

Наложница Фэн тут же сменила тон:

— Да, старшая невестка, это моя вина, всё моя вина.

— Вставайте, вы меня в краску вгоняете, — Фан увела Бай Юйжун.

Господин Чжоу наконец подал голос:

— Хватит, устроили балаган за завтраком. Уведите Хун-эра, приведите его в порядок. Такая большая, а воспитать сына не можешь?

— Отец! — возмутилась Чжоу Цин. — Почему ты ругаешь брата? Это же всё вина Бай Юйжун! Брат всегда хорошо ел, а как она пришла — всё кувырком, потому что она противная!

Бай Юйжун была готова взорваться. «Чжоу Цин, я думала, ты мне помогаешь, а ты меня подставляешь!»

Она хотела броситься на неё, но госпожа Фан удержала её, незаметно наступив на ногу.

Бай Юйжун удивлённо посмотрела на неё. Что это значит? Неужели есть какой-то секрет?

Господин Чжоу покачал головой:

— Цин-Цин, не будь такой неразумной. Ты старше Жун-жун на три года, не обязательно уступать, но сегодня её вины нет.

Госпожа Чжоу добавила:

— Жун-жун ещё мала, а Хун-эр толстенький, как тут устоять? Иди переоденься, а потом Жун-жун извинится перед тобой, хорошо?

Чжоу Цин хмыкнула:

— А мне так и ходить с грязным лицом?

Госпожа Чжоу холодно посмотрела на наложницу Фэн и сына:

— Уводите третьего молодого господина! Если не научите его вести себя за столом, будет есть в своей комнате!

Наложница Фэн в ужасе посмотрела на господина Чжоу, но тот лишь фыркнул и отвернулся.

Завтрак был испорчен, а виновником вместо Бай Юйжун стал Чжоу Хун. Чжоу Цин вернулась в комнату, довольная собой: Хун-эр сегодня явно остался с носом.

Как только дверь в комнату наложницы Фэн закрылась, она почувствовала, как сын резко вырвал руку.

— Хун-эр, что с тобой? — наложница Фэн сменила жалобный тон на растерянный.

В тёмных глазах мальчика светилось нечто, чего не должно быть у ребёнка.

— Наложница, кто приказал тебе падать на колени? — голос его был ледяным. — Ты не служанка, ты родила меня. Кто позволил тебе пресмыкаться перед кем попало?

Наложница Фэн испугалась его взгляда:

— Но ведь раньше...

— Не смей упоминать прошлое! — оборвал он её. — Неважно, что было раньше, но теперь я запрещаю! Не смей падать ни перед кем на колени! Ни перед этой девкой Бай Юйжун, ни перед той старой лисой — госпожой, никому не смей кланяться!

Наложница Фэн, дрожа от страха, поспешила закрыть ему рот рукой.

<http://bllate.org/book/20984/2130480>